

Хэ Бянь и сам не понимал, что с ним происходит — в последнее время он всё чаще беспричинно злился и терял контроль.

Когда он только переродился, его переполняла ненависть. Несмотря на страх, им двигало одно — отомстить. Он помнил десятки лет, проведённых в облике призрака, знал деревню как свои пять пальцев. Разве он не сможет отомстить? Он обязательно перевернёт всю деревню вверх дном, доведёт людей до паники и беспорядка, заставит их подчиняться ему безоговорочно.

Прошло полмесяца — и он действительно добился этого... наполовину.

Он уже завоевал доверие и благоговейный страх большинства жителей.

Глядя на этих глупых людей, он, казалось бы, должен был наслаждаться местью, радоваться тому, как водит их за нос. Но их искренняя, почти благоговейная вера в него вызывала у него тревогу и растерянность.

Пусть он и прожил десятки лет призраком, его разум был полностью поглощён жаждой мести — во всём остальном он оставался таким же незрелым, как шестнадцатилетний подросток.

Сейчас он и сам не мог понять, что чувствует — в голове была путаница, словно клубок нитей, который невозможно распутать. В итоге он злился... на самого себя.

И потому с самого утра уже дважды сорвался на Чжоу Ци.

«Я вовсе не брезгую тобой. Может, нам стоит помогать друг другу: ты поможешь мне расчёсывать волосы, а я — тебе» - сказал Чжоу Ци.

В древности волосы были длинные и густые, да и никаких современных средств для ухода не существовало. Чжоу Ци видел, как Чжан Мэйлинь мыла голову золой и толчёными мыльными бобами — он и сам пробовал. Эффект был так себе: разве что запах исчезал.

Но вот распутать густые, спутанные, словно корни, длинные волосы... Чжоу Ци пытался — поднимал руку, напрягался до боли, но так и не смог разобрать даже половину пряди.

По сравнению с прежним телом бродяги, волосы Хэ Бяня были всего лишь сухими, жёсткими и пожелтевшими — при расчесывании они лишь слегка цеплялись, в целом их было нетрудно привести в порядок.

«Ты... дурак, ты...!» - услышав предложение Чжоу Ци, Хэ Бянь покраснел от смущения и раздражения.

Расчёсывать волосы — такое близкое, почти интимное дело, разве можно так просто об этом говорить?

Но Чжоу Ци не только сказал — он ещё и спокойно принялся за это.

Лицо Хэ Бяня вспыхнуло, ему стало и стыдно, и неловко. Он знал, что неказист, и то, как Чжоу Ци так просто, без всякого стеснения касался его, будто не замечая его неловкости, только усиливало его раздражение и смущение.

Но стоило ему встретиться с взглядом Чжоу Ци — холодным, спокойным, в котором сквозило лёгкое недоумение, словно тот искренне не понимал, почему его предложение было отвергнуто — Хэ Бянь сдался.

Ладно... он же дурак.

С дураком спорить — себе дороже.

За дверью всё затопило проливным дождём. Небо потемнело так, что невозможно было понять, какое сейчас время суток. С карниза за домом вода лилась сплошными струями, выбивая в земле глубокие ямы. И вдруг послышался удивлённый голос Чжан Мэйлинь:

«Ой, небо, небо! И правда ливень!»

Её голос был громким, но тут же утонул в грохоте дождя — до Хэ Бяня донеслись лишь обрывки удивления.

Он тут же забыл обо всех своих мыслях и раздражении. Резко откинув летнее одеяло, он вскочил — худое тело в свободной короткой рубахе и штанах — и босиком подбежал к окну, распахнул его.

С порывом ветра его рубаха взметнулась и надулась, словно шар, обнажив бледный живот, никогда не видевший солнца. Но он этого даже не заметил — лишь громко рассмеялся:

«Ха-ха-ха!»

Словно одинокий защитник, стоящий насмерть перед осаждённым городом, он наконец дождался небесного знамения — и с помощью самой судьбы враги обратились в бегство.

Чжоу Ци молча смотрел на Хэ Бяня, который едва доставал до деревянного окна. Подол его изношенной одежды трепал холодный ветер, он привстал на тонких, почти костлявых щиколотках, обеими руками крепко вцепился в оконную раму. В его тёмных, упрямых глазах сияло торжество мести.

«Пусть теперь попробуют усомниться во мне!» - с довольством сказал Хэ Бянь.

Но в его глазах блестела влага, а на юном лице смешались мрачность, одиночество и почти безумная радость.

С крыши за домом вода стекала по глиняной стене, просачивалась внутрь, извиваясь, как водяные змеи, и постепенно подбиралась к пальцам его ног — словно тихая расплата за его торжество, напоминание: как бы он ни радовался своей мести, он всё равно остаётся жалким, увязшим в грязи.

«Зачем ты меня поднимаешь! Я ещё не посмотрелся на этот дождь! Я тебе говорю — я собираюсь уйти отсюда, уйти из этой деревни!»

Хэ Бянь внезапно оказался у него на руках, вздрогнул от неожиданности, но, обернувшись и увидев, что это Чжоу Ци, лишь недовольно пробормотал — в его голосе звучало доверие, которого он сам не замечал.

,«Дождь сильный, ветер тоже. Осторожнее — простудишься. Там, где ты стоял, уже вода» - сказал Чжоу Ци.

Он опустил Хэ Бяня у кровати, заметил его неловкость — обнажённые руки и ноги — и потянул летнее одеяло, укрыв его.

Хэ Бянь не чувствовал холода — в разгар лета дождь был радостью, да и к голоду с холодом он

давно привык. Но стоило напомнить — и он вдруг ощутил, как живот слегка зябнет. Он плотнее укутался, оставив снаружи только голову.

Немного помолчав, он не выдержал и поднял взгляд на Чжоу Ци:

«Пусть ты и дурак, но так пялиться на человека с холодным взглядом — это очень вызывающе и невежливо!»

Чжоу Ци отвёл взгляд и сказал:

«Ты собираешься сказать главе рода, что хочешь разорвать связи с семьёй и уйти?»

Хэ Бянь кивнул:

«А иначе зачем я предупреждал его о ливне? Нужно было завоевать его доверие, показать, что меня действительно покровительствуют предки рода Тянь. Тогда он будет ко мне относиться с почтением и слушаться во всём»

Чжоу Ци сказал:

«Это верно. Но он — глава рода. С какой стати он отпустит тебя, если ты умеешь предсказывать и отводить бедствия?»

Лицо Хэ Бяня, ещё мгновение назад уверенное в успехе, резко изменилось.

Возможно, это были лишь догадки Чжоу Ци, но Хэ Бянь не мог позволить себе рискнуть. Как с тем же Ван Саньланом — вроде бы верил, что перед ним избранник предков и прорицатель, но в его взгляде уже сквозила жадность и скрытая злоба.

Чжоу Ци добавил:

«К тому же, то, что сделала семья Чжан Мэйлинь, ещё не дотягивает до разрыва родственных связей».

Хэ Бянь и так был раздражён прежними сомнениями, а услышав это, только почувствовал, будто все эти полмесяца кормил не человека, а собаку.

Раньше он думал, что у "дурака" от рождения не хватает чувств — тот не умеет смеяться, не выражает эмоций, на всё смотрит с холодным безразличием, будто со стороны.

Но он не раз радовался, что этот "дурак" слушается его и, если нужно, становится его кулаками. Даже гордился этим.

И незаметно для себя привык к тому, что молчаливый Чжоу Ци стал его тенью.

Фрукты и овощи, которые приносили жители, да и птица, которую выращивала Чжан Мэйлинь, почти всё это попадало в желудок Чжоу Ци.

А теперь этот "дурак" вдруг заступает за семью Чжан Мэйлинь. Говорит, что они ещё не перешли границу.

Конечно — нож ведь не по нему прошёлся, он и не чувствует боли!

«Неблагодарный! Ты ещё и на сторону Чжан Мэйлинь встал! Значит, по-твоему, я

недостаточно настрадался? Может, мне умереть — тогда будет достаточно?!»

«В последние дни ты легко выходишь из себя. Успокойся. Я лишь помогаю тебе разобраться. Сначала выслушай — потом решай, прав я или нет» - спокойно сказал Чжоу Ци.

Хэ Бянь был в ярости. Даже укутанный в одеяло, он попытался пнуть Чжоу Ци, сидевшего у кровати. Но не успел выпрямить ногу — Чжоу Ци уже через одеяло перехватил его за щиколотку. Тот наклонился вперёд, и Хэ Бянь, испугавшись, поспешно юркнул под одеяло.

Снаружи остались только его чёрные, блестящие глаза, нервно бегавшие из стороны в сторону. Чжоу Ци навис над ним, словно тёмная стена. Хэ Бянь тихо всхлипнул — пусть его можно убить, но не унижить — и тут же смягчил голос, заискивающе заговорил:

«Брат, брат, я был неправ, не бей меня... я успокоюсь, честно. Я знаю, ты всё ради меня... Я потом ещё буду тебя куриными ножками кормить».

Чжоу Ци уже видел, насколько Хэ Бянь может быть противоречив. Сначала тот мягко уговаривал его, называл "братом", кормил, давал одежду — и стоило Чжоу Ци привыкнуть, поверить, как Хэ Бянь начинал показывать характер, даже относился к нему как к дураку.

Но Хэ Бянь делал это не из злого умысла. Просто его некому было научить, некому поддержать. Как маленький зверёк, загнанный в угол, он отчаянно хотел вырваться из безысходности, но при этом боялся потерять даже крошечную надежду — и потому метался, бился, теряя контроль над собой.

<http://bllate.org/book/17226/1616192>